

СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

УДК 17.0+37.01

Р.Г. Апресян

ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАДИГМЫ ВОСПИТАНИЯ

Институт философии РАН, г. Москва

Когда говорят о ценностной составляющей воспитания, обычно имеют в виду в первую очередь и главным образом ценностное *содержание* воспитания, и оно ассоциировано с целями воспитания. Обзор текущих сетевых ресурсов только подтверждает это впечатление. Авторы сетевых публикаций более всего озабочены проблемами патриотического, гражданского, экологического, демократического воспитания; в меньшей степени – нравственного (которое нередко сводится к патриотическому и гражданскому) и эстетического (художественного, музыкального); встречаются публикации о христианском, в частности православном, воспитании.

Нет никаких оснований считать, что диверсифицированное воспитание может быть эффективным. Но в качестве подготовительной интеллектуальной проработки идейно разнородного содержания, необходимого к претворению в воспитательные усилия, такой подход, аналогичный подходу к обучению, предметно дифференцированному, может иметь некий прагматический смысл.

В соотношении ценностей и воспитания следует различать два аспекта. Один касается ценностного содержания воспитания. Здесь уместно говорить о ценностных программах воспитания. Другой касается ценностных оснований, ценностной составляющей самой воспитательной деятельности, этоса воспитания. Здесь и обнаруживается тема ценностных парадигм воспитания, вынесенная в заголовок данной статьи. Воспитатель реализует в своей деятельности определенную систему ценностей. Не всегда сама конкретная воспитательная деятельность направлена на формирование той самой системы ценностей, которая лежит в ее основе.

Основание аксиологической реконструкции

В самом общем смысле ценности – это обобщенные, устойчивые представления о значимых¹ для личности объектах (материальных или идеаль-

ных) или, другими словами, это представления о чем-то как о существенно и принципиально предпочитаемом, как о благе, т.е. о том, что не просто отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам личности, но выражает ее представления об идеальном, совершенном. С эмпирической точки зрения, в ценности отражено отношение личности к предмету, событию или явлению; а именно: отношение, в котором последние признаются и им приписывается какое-то значение. В этом смысле ценностное отношение отличается от индифферентного. Как различны потребности и интересы, так различен «вес» разных ценностей, их значимость в жизни личности. Но уже характеристика ценности как того, посредством чего и на основе чего придается значение, указывает на иное – отношение личности к предмету, событию или явлению предзадано ценностным сознанием; что-то признается значимым именно потому, что отвечает определенным внутренним чувствам.

Важный методологический вопрос, который здесь встает, – каков отправной пункт, каковы исходные данные аксиологического анализа? Здесь возможны разные подходы. При, условно говоря, метафизическом подходе гипостазировано некое существующее само по себе «царство ценностей», трансцендентное действительности и постигаемое человеком непосредственным усмотрением (Н. Гартман) [2]. При, условно говоря, экзистенциально-антропологическом подходе ценности выводятся из условий человеческого существования и тех первичных потребностей, которые задаются этими условиями (Э. Фромм) [3]. При, условно говоря, социологическом подходе ценности выводятся из условий существования сообщества и потребностей сообщества в собственном воспроизведении и стабильном развитии (Э. Дюркгейм) [4]. Здесь предлагается нормативный подход, вторичный по отношению к

¹ Детальное толкование понятия значимости и ценности см. [1].

вышеназванным в том смысле, что им предполагается некая, непосредственно данная человеку культурная реальность, возможно, сформированная как следствие действия указанных при вышеназванных подходах факторов. В качестве такой реальности определим ту данность нравственной практики, которая выражена в правиле, получившем распространение во всех исторически известных и относительно развитых культурах, – правиле, называемом *золотым правилом* нравственности.

В наиболее известной форме оно гласит: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6:31). В более широком нормативном контексте развитой морали это правило имеет двойную проекцию, расширяющую ее потенциальное этическое содержание.

Инверсивная проекция золотого правила ведет к закону талиона. Собственно говоря, золотое правило в своей негативной формулировке («Не делай другим того, чего себе не желаешь») представляет собой результат переосмысления в виде принципа инициативного действия закона талиона; так же, как в позитивной формулировке, – результат переосмысления в виде принципа инициативного действия правила *благодарности*¹. В наиболее развернутом виде талион представлен в Книге Исхода, и его ключевая формула такова: «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21: 24–26)². В позднейшей моральной философии анализ талиона проводится с учетом рафинированно-обобщенной его формулировки, в которой принцип обращаемого равенства выражен совершенно очевидно: «Поступай по отношению к окружающим (чужим) так, как они поступают по отношению к тебе и твоим сородичам»³.

Прогрессивная проекция золотого правила приводит к *заповеди любви*, которая в христианском учении известна как сдвоенная заповедь любви к Богу и любви к человеку: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10:27). Имеются различные трактовки соотношения золотого правила и заповеди любви, но при всех подходах с золотым правилом соотносится христианская, а не ветхозаветная заповедь любви. Особенность христианской заповеди любви состоит в том,

что она носит комплексный характер, в ней объединены две данные в Пятикнижии заповеди, а именно заповедь любви к Богу (Втор. 6:5) и заповедь любви к ближнему (Лев. 19:18, 33–34).

Талион, золотое правило и заповедь любви совокупно образуют первичное нормативное содержание ценностного сознания, в частности морали, и характеризуются следующим образом. Первое, все эти правила регламентируют *отношение человека к другому*: талион ограничивает меру ответного зла, которым допустимо отвечать на зло со стороны другого; золотое правило устанавливает равенство и взаимность во всех отношениях к другому и устанавливает источник стандарта, по которому надо относиться к другому; заповедь любви указывает на необходимость заботливого и любовного отношения к другому. Стало быть, в континууме внутренней нормативной динамики отношения к другому (другим) должны строиться в соответствии с рядом принципов, восходящих от «*Не вреди, не делай другому зла*» (инициативно) к «*Будь справедливым, уважай другого*» и далее к «*Проявляй о другом заботу, относись к другому любовно*⁴». Второе, золотое правило и заповедь любви отталкиваются от *отношения человека к самому себе*: последнее предстает в качестве стандарта отношения к другому. Третье, в заповеди любви отношение к другому и отношение к себе в конечном счете обусловлены *отношением к высшему началу*, или к Богу, или к идеалу.

Итак, ценностная сфера образуется отношениями человека к себе, к другим людям и к высшему – в тех спецификациях, которые выше были намечены.

Ограниченное разнообразие базовых ценностных ориентаций

Две основные внутренние антитезы ценностного сознания: «*универсальное (всеобщее) – партикулярное (частное)*» и «*Я – другие*» можно рассматривать как фундамент, над которым возвышается все его здание, его базовые императивно-ценностные или этические системы. Если эти антитезы представить как координаты, то на пересечении координат и конституируются основные ценности, или принципы – наслаждения, пользы, личного совершенства и милосердной любви.

Эта схема иллюстрируется «этическим квадратом»:

¹ Подробнее о трансформации талиона и благодарности в формулы золотого правила см. [5, с. 73–85].

² См. также Лев. 19:21; 24:19–20; Втор. 19:21. В других книгах Ветхого завета прослеживается нарастающее ослабление жестокости предполагавшихся талионом санкций. См. Числ. 35:19; Руф. 2:20; Пр. 24:29; Пс. 18:15; Ис. 41:14; Сир. 27:25–29; Прем. 11:16; 12:22. Закономерность такой динамики подтверждается аналогичной эволюцией талиона в Коране: 2:178–179, 194; 4:92; 5:45; 16:126; 17:33; 22:60; 42:40–43.

³ Такую формулировку приводит А.А. Гусейнов, см. [6, с. 65].

⁴ В этическом смысле любовное отношение выражается в *признании* другого. От степени признания другого зависит глубина любви.

Таблица 1

	ПАРТИКУЛЯРИЗМ	УНИВЕРСАЛИЗМ
Я	Гедонизм – этика наслаждения	Перфекционизм – этика совершенства
ДРУГИЕ	Утилитаризм – этика пользы	Агапизм – этика человечности

Из табл. 1 видно, что сочетание приоритетного отношения к себе с доминированием частного интереса характеризует *гедонизм*, т.е. такую систему ценностных установок, согласно которой добро есть наслаждение, а зло – страдание. В гедонизме высшей ценностью и целью человека является наслаждение и все обязанности человека в конечном счете подчинены его желанию получать наслаждения.

Сочетание приоритетного отношения к другим с доминированием частного интереса характеризует *утилитаризм*, согласно которому ценным признается то, что помогает достичь определенной цели, т.е. полезное, и человек должен совершать полезные действия и стремиться к успеху.

Сочетание приоритетного отношения к себе с доминированием общего интереса характеризует *перфекционизм*, согласно которому высшей ценностью является совершенство и каждый должен стремиться к его достижению.

Сочетание приоритетного отношения к другим с доминированием общего интереса характеризует *агапизм*¹, согласно которому высшей ценностью является человек и обязанностью каждого является содействие благу другого.

Эта классификация ценностей и вытекающих из их приоритетного предпочтении моральных позиций, а также соответствующих нормативных программ основывается на выделении «первичных» ценностей. В нее не включена *этика счастья*, поскольку при дополнительном анализе то или иное представление о счастье редуцируемо к одной из основных «первичных» ценностей. В ней не оказывается места и так называемой «*этике долга*», поскольку идея долга указывает на характер мотивации действия (в отличие, например, от принужденности, послушания или каприза), а указание на предмет долженствования предполагает определенные ценностные спецификации.

Приведенная таблица представляет базовую схему ценностного сознания, и как схема, она не претендует на передачу всего разнообразия, всей полноты этого содержания. Тем не менее необходимо сделать пояснительные замечания. Партикулярность раскрывается, другими словами, как «частный интерес», однако в контексте аксиологического рассуждения партикулярность проявляется, прежде всего, в отдельности, отчужденности.

Причем эта отчужденность проявляется в отвергнутости человека как от высшего – от идеала, так и от рядоположенного – от других, порой и от себя самого. В гедонизме человек холит собственные желания, но эта благосклонность к собственным желаниям вполне может опосредствоваться гармоничными отношениями с другими людьми – с партнерами и содействием удовлетворению их желаний. В перфекционизме приоритетность отношения к самому себе выражается в личном устремлении к идеалу и, как следствие, в сконцентрированности на изменениях внутри себя, направленных на приближение к идеалу. В агапизме обращенность к другим одновременно означает в каком-то смысле и отвергнутость от них – отвергнутость от их низменных упований во имя их духовности.

Если попытаться представить выделенные позиции как модели поведения, то «этический квадрат» может быть модифицирован следующим образом:

Таблица 2

	ПАРТИКУЛЯРИЗМ	УНИВЕРСАЛИЗМ
Я	Гедонизм: человек содействует своим целям, исходя из своего понимания блага	Перфекционизм: человек содействует своим целям, исходя из того, что каждый разумный человек считает благом
ДРУГИЕ	Утилитаризм: человек содействует целям других, исходя из своего понимания блага	Агапизм: человек содействует благу других, исходя из того, что каждый разумный человек считает благом

Эти дескриптивные предложения можно легко переформулировать в императивные высказывания. Возможные «экстремумы» в каждой позиции могут быть выражены следующим образом:

Таблица 3

	ПАРТИКУЛЯРИЗМ	УНИВЕРСАЛИЗМ
Я	Гедонизм: Сублимация – в творчестве. Девияция – в садизме	Перфекционизм: Сублимация – в аскетизме. Девияция – в гордыне
ДРУГИЕ	Утилитаризм: Сублимация – в благотворительности. Девияция – в своекорыстии и групповом эгоизме	Агапизм: Сублимация – в самоотверженном подвижничестве. Девияция – в патернализме

Очевидно, что как схематичное представление нравственности «этический квадрат» не отражает все внутриморальные различия и спецификации. Следует иметь также в виду, что ни один из выведе-

¹ От *агапе* (греч. ἀγάπη – любовь < ἀγαπάω – принимать ласково, оказывать любовь – ἀγαπάω). Агапэ – термин, выражающий в Священном писании и патристической литературе понятие христианской любви (милосердия).

денных принципов сам по себе не гарантирует того, что, избрав его, человек исполнит нравственный закон и обеспечит себе путь к подлинному совершенству. Совершенство и заключается в том, что человек в своих поступках, в своем образе мысли воплощает все принципы. Имея высокий идеал и стремясь к его воплощению, человек находит адекватные целям и соответствующие ситуации средства для его практической реализации.

Ценностные парадигмы воспитания совпадают с выделенными общими ценностными позициями. Это видно на богатом материале педагогической литературы, единственно, что не специальной, а художественно-педагогической, например: «Философии в будуаре» Д.А.Ф. де Сада, «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, «Игры в бисер» Г. Гессе, «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко. Состав отобранных примерных произведений не должен казаться странным или произвольным. В самом деле, в этой подборке лишь одно считается канонически педагогическим, а именно роман Макаренко. Включение в нее «Игры в бисер» также может быть понятным: этот роман нередко трактуется как своего рода педагогическая утопия; но и по сюжету главный герой романа Йозеф Кнехт, будучи на вершине своей карьеры, оставляет и свой сан, и Касталию, чтобы стать воспитателем юноши, запутавшегося и отбившегося от рук сына своего друга. Но нельзя не увидеть педагогическую составляющую и в последнем романе Достоевского, возможно, наиболее идейном из всех идейных произведений этого русского писателя. Роман легко интерпретируется в идейном плане как своеобразная панорама практики милосердия во всем ее разнообразии, в том числе отступлений от этого принципа и поругания его. В этом плане своеобразным камертоном романа выступает не центральная с точки зрения фабулы, но существенная с точки зрения идейного содержания фигура старца Зосимы. Старец – праведник и духовный наставник, и в этом смысле он представляет определенную педагогическую стратегию. Эта его миссия усиливается автором несюжетно, но композиционно – как бы приложением к роману «Записок» старца Зосимы. Наконец, «Философия в будуаре» по своему существу является педагогическим или антипедагогическим (как кому угодно) романом, начиная с эпиграфа, которым автор рекомендует свою книгу родителям как необходимое пособие для их юных дочерей, и продолжая самим составом произведения. Философия в будуаре не может не быть наставлением. Роман и выстроен как растянутый во времени урок, в котором есть и лекция, и тренинг, и практикум. И всем процессом просвещения (наставления, воспитания) управляет, активно в нем участвуя, наставник Дольмансе. Он наставляет

в brutальных наслаждениях, сам же он в своих наставлениях хотя и строг, но внимателен и заботлив. Характерно, как Роман Виктюк выразил это педагогическое измерение романа в сценографии своей постановки «Философии в будуаре»: первый план сцены – это класс с непременимыми для класса партами, а задний – альков с гигантских размеров постелью.

Анализ этих произведений (к сожалению, не вмещающийся в рамки этих записок) должен представить ценностные парадигмы воспитания в развернутом виде:

Таблица 4

Гедонизм: <i>«Педагогика наслаждения» Дольмансе (Д.А.Ф. де Сад «Философия в будуаре»)</i>	Перфекционизм: <i>Самоотверженная педагогика Йозефа Кнехта (Г. Гессе «Игра в бисер»)</i>
Утилитаризм: <i>Коллективистская педагогика С.А. Макаренко (С.А. Макаренко «Педагогическая поэма»)</i>	Агапизм: <i>Милосердная педагогика старца Зосимы (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»)</i>

Дисциплина и совершенство

В качестве отдельной задачи представляет интерес анализ ценностного состава каждой из парадигм. Возьмем наиболее антитетичные позиции – перфекционизма и той разновидности утилитаризма, которая выражается в *социальной этике дисциплины*.

Дисциплина основывается на упорядочении. Упорядочение необязательно предполагает подавление, хотя не исключает его. Очевидно, что упорядочение может основываться на разных типах дисциплины и дисциплинарности в зависимости от того организационного пространства, в котором они утверждаются. В строгом и узком значении *дисциплинарность* представляет собой порядок, опосредованный ограничением свободы выбора и масштаба произволения индивидов, в этот порядок добровольно или недобровольно, а при последнем – произвольно или принудительно включенных. Ассоциация, товарищество (или закрытый клуб), корпорация, орден (или аналогично построенная и функционирующая политическая или криминальная организация), секта (или аналогично построенная политическая или криминальная группа), боевой отряд (или аналогично построенное подразделение чрезвычайного назначения), пенитенциарное учреждение – таковы различные по своему характеру и функциональному предназначению пространства дисциплинарности, непременно или факультативно обустроивающие образ жизни и мысли включенных в них индивидов.

Какую бы форму *социальной этики* мы ни взяли – контрактную, коммунитарную, корпоративную и т.д., они все дисциплинальны. В их рамках

адаптивность доминирует над совершенствованием. В дисциплинарности важна внешняя упорядоченность сама по себе. Дисциплинарность может перемежаться с авторитарностью. Но между ними есть существенные различия. При авторитарной стратегии воспитания сам по себе авторитет является доминирующим и приоритетным фактором, а дисциплина является средством утверждения авторитета; при дисциплинарном – порядок важен сам по себе, а авторитет используется для поддержания порядка. Авторитарное воспитание требует высокого уровня адаптивности; адаптивность в контрактных отношениях ниже, поскольку каждый раз обусловлена решением, принятым самими участниками этих контрактных мини-сообществ, они сами устанавливают условия этих отношений и, как правило, готовы продолжать или прерывать эти отношения. В контрактных отношениях их участники сами являются субъектами дисциплины; в авторитарных отношениях дисциплина устанавливается авторитетом. Воспитание, базирующееся на контрактном типе человеческих взаимоотношений, может казаться демократической и может быть демократической. Определяющим здесь является роль в контрактных отношениях либерально-демократических принципов, которая в действительности самим фактом контрактности не задана, но должна обустраиваться отдельно.

Дисциплина ограничивает, но авторитарная дисциплина подавляет: ограничение принимает форму репрессии. Дисциплинарные санкции носят по преимуществу негативный характер, хотя могут быть и позитивными (выраженными в соответствующих знаках почта). Но поскольку они не касаются существа дела, которое оформляет дисциплина, по содержанию они также негативны: человек через них сводится к порядку как таковому. Дисциплина предполагает исполнительность, но не просто исполнительность, а исполнительность в порядке послушания – исполнительность, которая как будто идет *из сердца*. Дисциплина должна соблюдаться добросовестно. Нарушение дисциплины ставит нарушителя в особое положение внутри группы. Нарушитель может быть подвергнут осуждению как воспитателем, так и рядовыми членами группы – воспитанниками с тем, чтобы он понял свое несоответствие дисциплинарным правилам. Публичное осуждение нарушителя позорно; публичное одобрение почетно. Дисциплиной предполагается экстравертированный тип личности: реакция воспитателя и других членов группы должна быть для него определяющей. Если отношение к дисциплине не выражается в исполнительности, то личной,

индивидуализированной реакцией на нее может быть неповиновение. В границах исключительного противостояния порядку дисциплины неповиновение есть выражение своеволия. С точки зрения дисциплины, любое неповиновение есть анархизм. У тайно противостоящих дисциплине и тайно неподчиняющихся есть надежда не быть замеченными.

Педагогика совершенствования сориентирована на «сублимацию»¹ личности в первую очередь. В совершенствовании происходит возвышение над обыденностью и тем самым – отвержение рутинного порядка обыденности.

Было бы опрометчиво за каждым отвержением упорядоченности усматривать перфекционистские мотивы. Это отвержение может быть просто выражением нигилистического отношения к любым нормам как извне задаваемым рамкам индивидуального поведения. Нормативность как знак запрета или наказа (приказания) может отвергаться и с нравственным пафосом – пафосом индивидуализированного, самобытного, критического отношения к бытующим и стихийно воспроизводимым в нравах общепринятым нормам поведения. Но здесь – и особое понимание личности как не только неподражательности, но и неподзаконности (своеобразно понятой неподражательности). Личность, таким образом, понимается как оппозиция обыденности, как возможность творческого самосо осуществления; добродетель утверждается в неподвластности правилу, она – сама себе правило.

Принято считать, что воспитание, сориентированное на формирование креативной личности, осуществляется в большей степени через побудительность, чем запретительность. Требования воспитателя не предполагают угрозы, их санкция носит идеальный характер, они обращены к личности как сознательному и свободному субъекту. Однако это уточнение не освобождает так выстроенную воспитательную стратегию от рестриктивности. Любое нормирование, коль скоро устанавливается определенный стандарт, пусть даже в форме отвлеченно декларированного идеала, указывает тем самым и на недопустимое, то есть запретное. Любое нормирование, иными словами, представляет собой ограничение конкретных действий обобщенным опытом таких действий, в педагогике – аксиоматизированным опытом культуры.

Перфекционистская оппозиция упорядоченности сама носит организованный, принципиальный и уже в силу этого упорядоченный характер. Внешнему, репрессивному порядку здесь противопоставляется порядок внутренний, духовно возвыша-

¹ Данное слово (от лат. *sublimis*) берется в непосредственном своем значении возвышения, вне какой-либо референтности к фрейдовскому концепту.

ющий личность. Понятием совершенства предполагается идея некоего высшего стандарта. И с ним соотносятся цели и результаты предпринимаемых воспитательных усилий. Отсюда понятно, насколько существенным для перфекционистски ориентированного воспитания является идеал. Идеал – важный ценностно-ориентирующий фактор поведения человека. Человек совершенства посвящает себя идеалу, служит ему; служением опосредовано самоограничение. В стремлении к идеалу личность получает возможность самостоятельного, персонализированного, творческого осуществления – самореализации. Она сама определяет свой путь к идеалу и сама понуждает себя к нему; она обращается к идеалу как бы в ответ на «зов», это есть своеобразный «ценностный ответ», но в той мере, в какой этот ответ производится сознательно, неподражательно и неподотчетно, он *инициативен*. Человек совершенства может благоговеть перед авторитетом, но он неавторитарен; его авторитет интериоризирован и обнаруживается в голосе совести, в совестных актах.

По своему содержанию и смыслу перфекционизм как императивно-ценностная система оппозиционна социальной этике. Преодоление обыденности в совершенствовании начинается с противодействия может быть не столько «искушениям плоти», сколько стихийности и стереотипности социально-функциональных взаимодействий человека. Но само это перфекционистское противодействие проявляется в осознании стихийности, в переосмыслении привычной жизни, в неприятии жизни как потока, в отвержении извне навязываемых смыслов. Перфекционистское усилие предполагает личностно определенное самоосуществление и самоорганизацию. Так что идея совершенства развивается и как представление об упорядочении человеком собственной жизни. Перфекционизм любого типа неизменно содержит в себе дисциплинарную программу.

Из сказанного становится ясно, что лишь при поверхностном рассмотрении дисциплинарные и перфекционистские воспитательные стратегии несовместимы. Дисциплина – это ограничение. Совершенствование (самосовершенствование) – это

духовное возвышение. При гуманистическом подходе совершенствование понимается как личное раскрепощение и творческое самоопределение. Однако при ригористически этическом понимании совершенствования возвышение предстает и с другой своей возможной стороны – как самоограничение. Совершенствование как духовное возвышение цели личных усилий не исключает дисциплины – внешней и внутренней (самодисциплины); стало быть, и ограничения – внешнего и внутреннего (самоограничения). Так что оппозиционность дисциплинарности и перфекционизма относительна. Перфекционизм не может не быть дисциплинарным (при том что, разумеется, не все «дисциплинарные структуры» воспитания непременно предполагают совершенствование как личностное возвышение).

Реальная тернистость личного пути к совершенству отражена в известном перфекционистском парадоксе, который, например, в варианте Л.П. Карсавина звучит так: «Несовершенство – момент совершенства» [7, с. 216]. Совершенствование опосредствовано деятельным усердием в добродетели, а предварительно – внутренним подготовлением себя к этому. Это подготовление выражается в так или иначе устроенной аскетике, которая есть усилие личности к самоперемене: отвержение себя-несовершенного в устремлении к лучшему. Так что самосовершенствование личности предполагает три уровня дисциплины: дисциплины в отношении к себе, дисциплины общения и взаимодействия с другими и дисциплины по отношению к высшему (будь то обращенность к идеалу или усилие к обожению).

Таким образом, хотя дисциплинарность и перфекционизм как слова-символы и представляют различные педагогические (воспитательные) программы, причем именно в их типологическом описании, они могут сочетаться как аспекты той или иной педагогической практики и они непременно сочетаются в последовательном осуществлении определенной, а именно перфекционистской, воспитательной программы.

Поступила в редакцию 14.01.2008

Литература

1. Гильдебранд Д. фон. Этика / Пер. с нем. А.И. Смирнова. М., 2001.
2. Гартман Н. Этика / Пер. с нем. А.Б. Глаголева, под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева. СПб., 2002.
3. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
5. Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3.
6. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974.
7. Карсавин Л.П. О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992.